

АРМИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ.

(по поводу книги ген. Ю. Н. Данилова Россия в мировой войнѣ, 1914 - 1915 г. «Слово», Берлин, 1924).

Въ течение 1914 - 1915 гг. русская армия проявила и, к несчастью, исчерпала всю творческую инициативу и свой боевой порыв. Вместе с переменою верховного командования она перешла к пассивной позиционной обороне и к самоотверженному выполнению частных и подсобных заданий, которые вытекали из обще-союзных операций. Первому периоду и посвящена книга ген. Ю. Н. Данилова «Россия в мировой войне», 1914-1915 г.г., вышедшая еще в 1924 г. (Берлин, изд. «Слово») и переведенная на немецкий и — с дополнениями о дальнейшем развитии операций на русском фронте — на французский языки.

Труд ген. Данилова представляется по данному вопросу пока единственным. Он сочетает в себе объективное научное рассмотрение указанного периода с личными впечатлениями и выводами автора, занимавшего ответственный пост генерал-квартирмейстера русской армии. Однако положение автора не обусловило его работы в дурном смысле: не увлекло его в сторону пристрастных оценок, обвинений и самооправданий. Перед нами объективный историк, сумевший отделить события от своего в них участия. Нам кажется, что этому способствовала широта, с которою поставлен вопрос. Автор не случайно назвал в заглавии имя России: он не ограничивает себя изложением узко-военных операций, но рассматривает их, как момент в истории всего, окончательно сорвавшегося в 1915 г. плана войны, и связывает их с положением армии, соотношением между нею и страной и состоянием самой страны. Правда, центром являются военные операции и все остальное дано в очень сжатой форме, но зато и обобщенно, что возвышает книгу над уровнем сборника материалов, каким является, напремер, труд ген. Деникина о гражданской войне. С другой стороны, сжатость изложения не препятствует тому, что тема книги является не узко-военною, а обще-историческою и существенно-важною для всякого русского человека, а не только для специалиста военного, как, скажем, книга ген. Головина о восточно-прусской операции. К тому же труд ген. Данилова важен для понимания будущего России потому, что посвящен объективному анализу ее прошлого, а не субъективным домыслам о том, какова будет будущая русская армия, что является попыткою решить уравнение с одними только неизвестными.

Конечно, не будучи специалистом, но — лишь внимательным читателем военной литературы, я не склонен разбирать и оценивать кн. ген. Данилова с чисто военной точки зрения. Но мне кажется, что в данном случае надо высказаться по существу целого ряда общих тем, которые автор или ставит прямо или заставляет читателя поставить. А заставляет поставить некоторые темы он и потому, что, как сказано, не ограничивается собственно военной историей, и потому, что в его постановке тема войны оказывается насыщеною глубоким внутренним драматизмом. За умело сгруппированными и бесстрастно изложенными фактами развертывается трагедия великодержавного плана войны, трагедия русской армии, и, наконец, трагедия самой России.

Вместе с другими выдающимися специалистами (ср. в России работу Свечина) автор энергично отстаивает то положение, что современная война есть война народов, а не война армий и правительств и что успех военных операций зависит прежде и более всего от «подготовленности» к войне всего народа, от связи его с армией и их взаимоотношений. Таким образом война приобретает полный смысл исторического факта, и для понимания ее становится необходимым дружное сотрудничество военных специалистов с историками и философами. Надо, чтобы военные историки ставили проблемы так, как их ставит автор, и даже еще шире и глубже, и чтобы «штатские» ученые и просто желающие быть сознательными и ответственными русские люди изучали историю войны и военное дело, введением к чему и может служить книга ген. Данилова:

Дело тут совсем не в любви к рассказам о героических подвигах, лихих кавалерийских атаках и отдельных операциях — такого интереса и в русском обществе всегда было достаточно, — и не в увлечении примитивно-популярными очерками военных обозревателей, характерном для первого периода войны и расплодившем доморожденных стратегов, даже «военных министров» и «главнокомандующих». Дело в серьезном и ответственном внимании к войне и к армии. И вот, в связи с пониманием «народности» войны обнажается вся противоположность психологии старого русского общества, «передовые» элементы которого либо расплывались в сентиментально-наивном пацифизме и рассматривали армию, как — в лучшем случае, неизбежную — организацию человеконенавистничества, либо видели в ней орудие «царизма» и классового господства. Ведь даже наиболее вдумчивые и сознательно патристические люди не возвышались, по горькому замечанию автора, над пониманием долга и права всякого гражданина жертвовать собою за интересы отечества, как военной «службы» и «повинности». В лучшем случае, в армии видели необходимое средство самозащиты, и не размышляли о том, что великая культура и великий народ живут не ради самообороны, а ради активного осуществления своих положительных задач и что для осуществления этих задач необходимы инициативно-активная внешняя политика и одушевленная военной инициативой армия. В действительности не только пацифизм, приличествующий, впрочем, боязливым и слабым, но и воззрение на войну, как на обусловленное временным несовершенством человечества зло, а не как на необходимую форму эмпирически непреодолимого несовершенства мира, уже ослабляет волю культуры или свидетельствует о ее ослаблении. Есть в войне абсолютно значимый смысл, хотя, конечно, и не во всякой войне, смысл, определяемый не как самозащита культуры, а как ее активное самораскрытие, только путем войны осуществимое, хотя война и форма несовершенного бытия. Попытка отрицать онтологическую необходимость войны в несовершенной эмпирии — утопизм, не меньший, чем утопизм социалистический; и релятивизация войны столь же ошибочна и вредна, сколь и милитаризм во что бы то ни стало. Одним словом наша эпоха нуждается не только в философии культуры, но и в философии войны.

Здесь мы философии войны развивать не собираемся. О ней не высказывается и автор подавшей повод к нашим размышлениям книги. Тем не менее последовательно проводимая в книге идея «народности» войны подводит вплотную к проблемам этой философии и, надо полагать, поспособствует хотя бы временной победе над скрыто и явно пацифистскими умонастроениями. Говорю о «временной» победе, ибо боюсь оптимистических преувеличений и считаю нужными некоторые оговорки. — Несомненно, что всякая «большая», заслуживающая своего имени война, т. е. война, которая ставит под угрозу самостоятельное бытие или самостоятельное развитие, «жизненные интересы» народа, тем самым будет «народною» войною. Несомненно, что ближайший исторический период будет означен сознанием «народности» войны и армий. И несомненно, наконец, что выдвигаемым ныне с особенною настойчивостью положением определяется истинное существо войны и армии. Однако существо это может и не осознаваться или подвергаться более или менее значительным искажениям. Так народные армии неоднократно утрачивали явственную связь с народом, обособлялись от него и становились кастовыми организациями, а народные войны перерождались в войны правительств и государей. Подобное прерождение мы встречаем во Франции на протяжении какого-нибудь десятка лет, закончившегося единодержавием Наполеона, еще ранее в Риме, перешедшем после Пунических войн и Гракхов к армиям наемников и войнам государей. Нет гарантий, что то же самое явление не повторится еще много раз; и во всяком случае, предотвратить разрыв между народом и армией не менее трудно, чем предотвратить разрыв между народом и его правящим слоем. Впрочем, оба разрыва — лишь два проявления одного и того же основного факта, отраженного и отживающими формами демократии.

С нашей точки зрения, одна из главных задач заключается в изыскании таких политических форм, при которых разрыв между народом, с одной стороны, и правящим слоем и армией, с другой, являлся бы наименее вероятным. Мы не можем удовлетвориться счастливым фактом и надеяться, что он сам собою удержится, но считаем необходимым добиваться того, чтобы прснувшееся сознание истинной природы войны и армии, т. е. их народности, не заглохло, а воплотилось в обеспечивающих его дальнейшее развитие формах. Вот почему исключитель-

ным значением обладает осознание минувшей войны, как существенного факта русской истории. В этом отношении очень многое сделано ген. Даниловым, и для многого еще его труд дает богатый материал, вынуждая к совершенно определенным выводам. Конечно, автор не ставит ряда проблем — тех, которых мы далее касаемся; и это связано с постановкою его темы. — «Россия в мировой войне». Россия, стало быть, рассматривается, как одна из слагающих более общего процесса — обще-европейской войны, явившейся началом действительно «мировых» событий. Такая постановка вопроса, разумеется, вполне возможна и законна, и мы оспаривать ее правомерности нисколько не собираемся, хотя период, рассматриваемый автором, в значительной мере заполнен инициативой России. Для Европы это — единственно возможная и интересная трактовка темы. Но для нас существеннее понять войну, как факт русской истории и с точки зрения русских интересов. И если значение русских операций не только для Марнской победы, но и для всего хода и исхода войны, значение ясно и убедительно показанное автором (ср. еще дополнения во французском переводе), не заставило в свое время союзников забыть о своих эгоистических интересах и притти на помощь России тогда, когда такая помощь казалась еще возможною, — оно обладает для будущего еще меньшею действительностью и останется не более, чем новым примером бескорыстного служения России интересам Европы. Напротив, осмысление войны с русской точки зрения представляется для нас, русских, практически в величайшей степени важным.

Примерно со времени японской войны русское государство и русское общество вступили в период быстрой дезорганизации, закончившейся революцией.

Весь правящий слой, т. е. и правительство и общество, утратил чувство своеобразия русской культуры. Он ухитрился вытравить в себе и основательно заглушить в народе сознание единства, величия и великодержавия России. Мы не хотим сказать, что в правящем слое не было свойства, обозначаемого иностранным словом «патриотизм», хотя и здесь нужно сделать существенные оговорки. Мы утверждаем, что не было великодержавного самосознания. Ведь даже в политически правых кругах, где национально-культурное самосознание еще пыталось заявлять о себе, оно не возвышалось над уровнем смутного, идейно бессодержательного чувства и «биологического» патриотизма, не раскрывалось в осознании особой исторической миссии России и в обращенной к ее будущему идеологии.

Вопреки весьма распространенному предрассудку, — очень часто, если не чаще всего, как раз армия является наиболее ярким и наиболее стойким, ибо организованным носителем народных идеалов и традиций. Это определяется «народною» природою армии и сказывается тем больше, чем она «народнее». Правда, не армия развивает и обосновывает народную идеологию: она ее лишь приемлет, впитывает и хранит, как нечто уже данное, и, естественно упрощая ее, живет не ее проблематикою, а ее общими основаниями. Но именно потому армия и традиционалистичнее, чем другие объединения и организации; именно потому народные идеалы живы в армии еще и тогда, когда в обществе они уже не существуют или перерождаются, а сама армия нередко является искупительною жертвою за старые и не ею совершенные грехи. Но именно в связи со своею обращенностью к прошлому армия более обращена к реальному будущему народа, чем так называемые «прогрессивные» (т. е. мечтательно-абстрактные) элементы общества. В силу своей консервативности армия истинно прогрессивна. Такою была русская армия; и только русское общество никак не могло этого понять, как не заметило оно до сих пор и того, что в эпоху дезорганизации старого государства русского одна армия была здоровою организующею силою.

Указываемая роль армии стоит в теснейшей связи с ее природою, непонятною для пацифистски-антимилитаристического, а по существу всегда эгоистического общества. Естественно, что социалисты, признававшие реальностью только «классы», собственно говоря — лишь два класса: «пролетариат» и «врагов пролетариата», и отрицавшие все не-классовое, т. е. народ и народное государство, и народно-государственные идеалы, должны были отрицать и народную армию, доказывая, будто она лишь средство классового господства. И хотя они сами мечтали, как и подтвердилось на деле, о классовом господстве пролетариата и, в том случае, если они умели размышлять, о пролетарской армии, существующей не для обороны и уничтожающей людей не сочинениями Маркса, а оружием, — они тем не менее

не стыдились играть на расслабленно-пацифистских чувствах общества. Они уверяли, что армия — организация убийц, а толстоствующее общество укреплялось в своем безвольном пре-краснодушном антимилиитаризме. Армии не только злорадно ставили в вину то, что правительство пользовалось ею для полицейских репрессий, но упорно искажали образ армии. Думали о том, что на войне убивают; но не думали, что на войне и умирают. Видели привилегированное положение военных, но так и не удосужились заметить, что привилегированное положение, к тому же преувеличенное, более чем оправдывалось бескорыстною жертвою собой не за себя, а за Россию. Ибо можно заподозрить в своекорыстии купца, промышленника, рабочего, крестьянина (не говоря уже о политике), хотя тут и привыкли говорить о великом значении труда; но нельзя считать своекорыстным идущего на смерть солдата и офицера; хотя бы и не принято было говорить о великом значении жертвы. Неужели же и теперь, после войны и революции трудно понять самоочевидные истины? — Армия не организация истребления, а организация народного самопожертвования за честь прошлых и благо будущих поколений. И если правда, что бескорыстная жертва не остается бесплодною, испытания русской армии во время войны и русского офицерства во время революции — залог великого будущего России.

Все сказанное отнюдь не является идеализацией старой русской армии, недостатки которой явственно обнаружались в течение войны. Частью и армия была разложена ядами, разложившими общественность, что и сквозит за многими утверждениями ген. Данилова, несмотря на большую его сдержанность и полное умолчание о политическом прожектерстве ген. Янушкевича, а в значительной мере и прямо им высказывается. Много было косности и бюрократической волокиты. Высший командный состав оказался в целом не на высоте. Выработанный Генеральным Штабом и проводимый Ставкой план войны с самого же начала встретил серьезное противодействие со стороны командования Юго-Западного фронта, противодействие, объяснимое лишь иным замыслом войны и, во всяком случае, тенденциями прежней, еще не обновленной армии. Наконец, нет нужды говорить здесь о недочетах в технической подготовке. И все же, если мы сопоставим русскую армию после Японской войны с нею же в 1914 г., если мы вспомним, что период с 1905-го по 1910-й год включительно был «периодом нашей военной беспомощности», — работу, произведенную нашей армией менее, чем за 10 лет, приходится признать похожей на чудо. И это в атмосфере общественного равнодушия, а частью даже недоверия и недоброжелательства, в которой приходилось действовать руководителям и реорганизаторам нашей военной силы (автор с благодарностью вспоминает о содействии со стороны Гос. Думы, «октябристской»!) Как ясно из сжатого, к сожалению з—сжатого изложения автора, русская армия успела обновить высший и частью средний командный состав, поднять на небывалую для России высоту военную технику и оживить деятельность Генерального Штаба новыми идеями и новыми людьми.

По совести следовало бы не говорить о том, что армия была к войне еще не готова, а удивляться тому, что она была — при полной неготовности правительства и общества — в такой степени к войне подготовлена. Первые впечатления редко обманывают. А у русских людей в начале войны было впечатление неожиданного, почти чудесного перехода от паники или, по крайней мере, мрачных (говорили: «серьезных») прогнозов первых дней к изумлению перед обнаружившимися мощью и спокойною уверенностью армии. Стало очевидностью, что в стороне от политической шумихи, почти незаметно совершена была какая-то грандиозная работа. И эта работа, явившая русское великодержавие забывшим о нем русским людям, была великим национальным подвигом и началом нового русского великодержавного самосознания. Так первая, еще бескровная жертва армии не пропала даром, ибо великодержавное самосознание несомненно и неотъемлемо присуще новой, рождающейся из революции России, и она без него немислима.

Вероятно, найдутся зоилы, которые усмотрят в данной автором характеристике состояния русской армии до 1910 г. и в 1914 г. преувеличение. Но если бы армия сделала несравнимо меньше, если бы она только сохранила себя такую же, как она была в период растущих дезорганизационных процессов (чего, во всяком уже случае, сказать нельзя), и то

ее заслуга перед Россией являлась бы неизмеримо большою. Но автор основывает свои утверждения на фактах, и утверждения его сходятся с наблюдениями и впечатлениями со стороны. Кажется, что спорить не о чем. И блестящее подтверждение сделанных выше выводов мы находим в плане военных операций, который получил свою окончательную форму в 1912 г. В этом плане продуманность и трезвый учет технических возможностей сочетались с идеею широкого наступления и грандиозной борьбы с двумя противниками. Им отстранялись и пассивная оборона, и сведение русской армии к роли простого оттягивающего силы от французского фронта средства, и расчет на случайные и чисто внешние эффекты глубокого продвижения в Австрию, т. е. — позволю себе сказать без всякого момента оценки — «авантюризм». Ни первая, ни второе, ни третий, очевидно, не соответствовали великодержавию России. По величавости замысла я бы сопоставил наш военный план только с замыслом немцев; по степени продуманности предпочел бы его французскому, в котором темным пятном являются операции на правом фланге. Как бы то ни было, русский военный план, лишь теперь доступен для широких кругов изложены и в судьбе своей прослеженный ген. Даниловым, представляется воплощением русской великодержавной идеи.

Действительность показала его неосуществимость, и первая же неудача в Восточной Пруссии была началом его конца. Авторы плана и верховное командование, очевидно, просчитались. Они недостаточно учли неподготовленность к войне всего русского народа и переучли подготовленность русской армии. В труде ген. Данилова вполне раскрывается это трагическое несоответствие между замыслом и действительностью, все время нарастающее и, наконец, завершающееся гибелью плана и роковым надломом армии. Задним числом легко усмотреть совершенную ошибку и еще легче обвинять тех, кто ее совершил. Но вместо подобного, довольно бесполезного занятия лучше уяснить себе самое глубокое основание ошибки. А оно, несомненно, заключалось в том, что вера армии в великодержавие России заставила переоценить возможности русской действительности. Эта вера не была ложною для русского прошлого и для русского будущего, но она упреждала будущее и потому переоценивала настоящее. Едва ли русское общество, своею, мягко выражаясь, «неподготовленностью» к великодержавным задачам России обусловившее неудачу, вправе обвинять русскую армию за «возвышающий обман», жертвою которого она пала. И не лишне поставить дальнейший вопрос. Могла ли и должна ли была русская армия поступить иначе? Хотим ли мы теперь, задним числом, чтобы не было в прошлом достойного величия России плана войны и героической борьбы за него, чтобы не было ни Галицийской победы, ни, следовательно, и поражения в Восточной Пруссии, чтобы русская армия отступала, рассчитывая на время, отсиживаясь в окопах, или рискнула иным разгромом в «авантюрах» на Австрийском фронте? Не забудем, что вынужденная пассивность фронта, отсутствие инициативы у верховного командования и вся разлагающая обстановка позиционной войны впоследствии более надломили дух армии, чем разгром пруссаками войск ген. Самсонова. Русская армия и в ней русский народ хотели достойного России ведения войны, а не выжидания и отсиживания.

За веру в Россию, за сознание русского великодержавия мы бы должны были не обвинять, а ценить и чтить нашу побежденную армию: так, как умеют чтить свои побежденные войска и своих побежденных вождей немцы. Не будем лучше вспоминать о том, как сумело отплатить армии русское общество, ибо ведь оно и до войны и в начале революции в лице своих «передовых» элементов и революционных министров вырыло пропасть между солдатами и офицерством.

Мы не привыкли по настоящему ценить жертву, т. е. узнавать ее плоды, и не умеем вскрывать пользу неудач. Поэтому мы и не замечаем, что русская армия впервые после долгого периода биологического существования России воплотила идею русского великодержавия и что воплощенная ею идея легла краеугольным камнем в строение новой России. Армия погибла, но погибла она за идею, которая в ней родилась и пережила и ее и революцию. Русский народ не забыл и не мог забыть явленного ему его

великодержавия. И новая, создающаяся через революцию русская национальная армия вобрала в себя элементы старой, погибшей, и унаследовала ее великодержавный дух. Если коммунисты планируют все в «планетарных» размерах, то есть соответствие этой планетарности и в новой русской армии, только, конечно, не коммунистически-интернациональное, а великодержавно-русское.

Так неожиданно соединяются в новой России наследие революции с наследием погибшей русской армии, и осознается непрерывность русского исторического процесса, ибо новая Россия строится народом чрез революционный процесс, но на почве, напоенной кровью павших за устремление к ней. Новая Россия не красная и не белая, а новая.

Я понимаю, что все это звучит парадоксом и что очень легко обвинить меня в приписывании армии, обществу и народу мыслей которых у них не было. Но такое обвинение покоится на ложной предпосылке, что у них и вообще нет мыслей, а мысли есть лишь у индивидуумов, и что нет ничего, кроме индивидуумов. Само собой разумеется, индивидуумы (за очень редкими исключениями) высказываемого мною не думали; и нет никакой необходимости, чтобы идеи такой реальности, как армия или народ, адекватно и правильно опознавались отдельными их представителями. Эти идеи выясняются в целом законченного исторического процесса, являясь его смыслом. Индивидуум осознает идеи и волю народа, как смысл его истории. А то, что русская история последних 15 лет не бессмыслица, представляется мне неоспоримым.

Мы утверждаем факт уже давно начавшегося слияния идеи русской армии с идеею революции. Русская армия связана с революцией еще и иначе. — Неудача замысла войны должна быть определена, как обесмысливание войны. Именно потому она внутренне связана с надломом военного духа армии и народа. Армия увидела, что великодержавное задание ей не удалось и что ей не за что биться. Отдельные конвульсивные попытки надолго обмануть не могли, да они и не кончались удачей. Внушить мысль, что великий народ должен сражаться не за свое будущее, а за Европу, было невозможно так, как и по существу это превращало народную войну в войну европеизованного правительства. Армия, впрочем, отчаялась не сразу. Сначала она пыталась искать «измену», надеясь, что искоренив измену, вернет себе свой боевой порыв. И неподготовленность к войне обернулась видимостью вероятия измены. Недостаток ружей и орудий, плохая разведка, плохие окопы, — все легко истолковывалось, как следствия измены, а общество жило тем же подозрением и командование армии питало его, хотя бы тем, что устроило показательную расправу с Мясоедовым и допускало маниакальное преследование евреев.

Мания измены была последним усилием умирающей веры армии в себя. Эта мания скоро переродилась в убеждение, что весь правящий слой куда-то не годится и что великая Россия невозможна без революции. Так думала армия, так думал народ, все более объединявшийся и сливавшийся с ее массой. Конечно, русский народ мог бы потерпеть, отсидеться в окопах и, получив причитающееся ему от союзников, приняться за свое переустройство по окончании войны. Но мог ли он в то время быть уверенным, что доказавший свою негодность правящий слой не доведет его до полной гибели и что война кончится победою союзников, а союзники не забудут о жертвах России? Можно ли было сказать, что эта опасность меньше, чем опасность революции во время войны? И достойно ли великого, сознавшего свои неисчерпаемые силы и мировые задания народа отступать перед опасностями или выбирать наименьшую? Впрочем, во время войны революция была осуществима с большею легкостью, чем во время мира.

Таким образом наши военные неудачи привели русский народ, великодержавное самосознание которого было пробуждено от долгого сна подвигами и жертвами его армии, к сознанию необходимости внутренне перестроиться во имя своего будущего и своих исторических, общечеловеческих заданий. В начале русское будущее и русская историческая миссия еще представлялись связанными с победоносным окончанием войны. Но очень скоро стало очевидным, что цели России и Европы не совпадают, что война является борьбою чуждых нам узкоевропейских интересов и антагонизмов. Истинная цель России — организация евразийского культурного мира и, стало быть, новый чекан человеческой культуры — оказалась несоиз-

меримою с мелкими заданиями европейской политики. И тем самым был бесповоротно осужден приведший Россию к ненужной войне русский европеизм. Русский народ осознал свою великую миссию и свое неразрывно связанное с нею великодержавие. Но этого целиком не поняли ни коммунисты, подменявшие русскую миссию европейской выдумкой, ни белые, которые погибли за русское великодержавие, ибо связывали его лишь с прошлым и с прошлым европейским. На путях новой России, в которой уже нет ни красного ни белого, неизбежны были ошибки, и для ее будущего необходимым было жертвенное утверждение ее великодержавия. Так и те остатки русской армии, которые не влились в красную, а подняли белое знамя тоже приняли участие в созидании новой России — своею самоотверженною гибелью за ее великодержавие.

Д. П. Карсавин

«РИТМЫ ЕВРАЗИИ».

Противники евразийства, критикуя его, бьют мимо. Поборники другого круга идей, они не в силах, повидимому, отрешиться от раз навсегда предписанной им школы, с которой и подходят для оценки наших идей. Получается какой-то своего рода дальгонизм, невозможность различать некоторые цвета. В гамме красок, излучаемых раскаленным революцией телом России, наши критики бессильны отличить подлинное место евразийства. Их спектральный анализ вращается в кругу прежних дореволюционных интеллигентских окрасок, догм. Вновь открывшиеся, инфракрасные, лучи евразийства старыми методами, конечно, неуловимы. В старом спектре их не было. Вернее — в нем они еще не ощущались. Их проявила революция. Об этом коренном свойстве евразийства, на которое пробуют наклеивать какие-то старые пожелтевшие этикетки, особенно сильно думается при чтении *Начертания русской истории*. Автор, Г. В. Вернадский, и комментатор, П. Н. Савицкий, «кладут руля» по евразийской бусоли. Насыщают свежим степным воздухом наше историческое сознание. Дают ощущение устойчивости, крепости. Их строки дышат своей, своеобразной энергией. Русская история, сложившаяся на пространствах Евразии, осмысливается как таковая, без пригонки к схемам западного исторического процесса, протекавшего в условиях существования народов сбитых в тесную кучку, толпившуюся на путях евразийского полуострова, привеска к евразийскому континенту.

Живительное значение подобного подхода к историческому материалу для нас очевидна. Названный труд есть ценное руководство на путях русско-евразийского самопознания. Названный труд (к которому примыкает в отношении геополитическом предшествующая работа П. Н. Савицкого о географических особенностях России) является одним из достижений переплавки русского сознания в горне революционного становления России. Переплавка, в которой улавливаются определенные нами как инфракрасные лучи евразийства.

Противники евразийства, его отрицатели и хулители, постараются, вероятно, втиснуть и *Начертание* в негодные для него рамки старых схем того круга культуры, с которым Россия органически не была и не будет связана. Как метко выразился один из нерусских оценщиков евразийства — для определения своего я оно прежде всего отмежевывается от своего *не* - я.

Эти беглые заметки просим не рассматривать как отзыв. Они являются лишь настойчиво просившимся под перо выражением отзыва в мыслях при чтении *Начертания*.

Отзвука тем более сильного, что с ним связаны в некотором смысле личные переживания пишущего эти строки. Речь идет о военных действиях на азиатском театре, свидетелем, иногда и участником которых пришлось быть в Персии, в Урмии, на курдском отрезке фронта, в момент максимального напряжения наших сил, тянувшегося от Арарата до Сулеймании. «Геополитическая сторона некоторых операций и походов» монгольских и русских. Ее под-